

Время

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В81

В81 Время: Том 2 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 542 с.

ISBN 978-5-518-09059-0

ISBN 978-5-518-09059-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ды сѣверныхъ мѣсть , великорусскій расколъ . Тутъ эти два начала встрѣтились и остановились , прогремѣли въ исторіи Разиными , Пугачевыми , Булавиными и Заметаевыми ; эти два начала здѣсь слились и другъ друга пополнили . Вотъ почему вы не правы , во всемъ осуждая Украину : она отдѣлила сюда и завѣщала вамъ лучшія свои силы , и отсюда же быть-можетъ получить впоследствии и свое собственное обновленіе , какъ это произойдетъ вѣроятно и съ старой Англіей , относительно свободнаго роста ея дочери , Америки .

— Согласенъ ; но жалѣю , что не всѣ такъ смотрятъ на дикій и чудный нашъ край , какъ вы , Адріанъ Сергѣичъ : его слишкомъ обвиняютъ за его торговый , дѣловой и лихорадочно-промышленный нравъ...

— Что я не обвиняю , доказывается , я думаю , лучше всего тѣмъ , что самъ я на закатѣ дней моихъ , какъ видите , бросилъ старую , по вашему чуть не отжившую Украину , и пытаюсь здѣсь поискать счастья и обновиться вашею дѣятельною жизнью... Я ирландецъ — переселился на берега Онтарио...

— Милости просимъ , милости просимъ ! Не раскаетесь ! У насъ стоить заняться всѣмъ , торговлею , промыслами и хозяйствомъ . Получите имѣніе , и съ Богомъ ! Да вотъ мы и приѣхали , Адріанъ Сергѣичъ ! Очень радъ , что вы такъ судите ! Смотрите , какъ теперь закипитъ наше дѣло : не то , что у васъ тамъ въ старыхъ городишкахъ , потонувшихъ , извините , въ болотахъ всякихъ наносныхъ преданій ! Значить , оба мы дома ! Странствовали на чужбинѣ , набирались тамъ опытности и силъ , какъ молодые птицы , улетающія за море до весны . Но часъ пробилъ , и мы снова у себя дома , чтобъ здѣсь испытать свои привезенныя силы...

Путники вошли въ земскій судъ . Тарханларовъ , приѣздъ котораго сюда уже нѣсколько подготовилъ данный ему помощникъ , былъ встрѣченъ тутъ всѣми не безъ трепета . Но дѣло какъ-то пошло не очень плавно . Совѣтки хоть и были разосланы изъ суда къ становому и въ сосѣднія села , но исправникъ отозвался дѣлами , болѣе не терпящими отлагательства , и не дождавшись губернскаго слѣдователя , вопреки его отношенію , уѣхалъ изъ города въ то самое утро въ другое мѣсто . Также поступилъ и уѣздный предводитель , не доставивши совѣтнику никакихъ нужныхъ новыхъ свѣдѣній о личности Перебоченской и о ея

мнимомъ нездоровьи, которое будто бы препятствовало донинѣ ея выѣзду изъ чужого имѣнія. Когда Тарханларовъ явился въ предводительскую канцелярію, секретарь ея даже встрѣтилъ его съ нѣкоторою ироніею. Замѣтно было, что прежде, чѣмъ повѣстки и помощникъ совѣтника явились въ городъ, лазутчики Перебоченской обо всѣхъ эволюціяхъ новаго, угрожавшаго ей штурма дали уже знать сюда изъ среды самого губернскаго правленія, какъ Тарханларовъ ни старался свой быстрый выѣздъ облечь тайною. «Даже Ангела къ намъ выслалъ, острили о грекѣ уѣздные чиновники, по уходѣ Тарханларова: — но и ангелъ небесный не сможетъ ничего съ нами сдѣлать, коли мы захотимъ! вотъ оно какъ!»

Дѣйствительно, полномочный членъ высшей мѣстной администрации, совѣтникъ губернскаго правленія, вооруженный наилучшими, опредѣленнѣйшими инструкціями «раскрыть наконецъ дѣлю, во чтобы то нистало, отрѣшить всякаго изъ чиновниковъ, замѣшанныхъ тутъ, если онъ найдетъ умысленныя послабленія со стороны ихъ, и вывести Перебоченскую изъ имѣнія Рубашкина даже силою, не принимая болѣе отъ нея никакихъ отговорокъ и отписокъ, и всему составить подробный журналъ» — озадачился сразу, встрѣтивши эти первыя каверзы и чуть не потерялся. Явивши въ земскомъ судѣ особый приказъ губернскаго правленія, онъ тутъ же сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи отъ должности исправника, записалъ свое постановленіе въ протоколъ суда, внесъ его и въ свой особый секретный журналъ, отмѣтилъ въ немъ между-прочимъ, что повѣстки о высылѣ въ Конскій Сыртъ понятыхъ изъ сосѣднихъ съ нимъ селъ посланы нарочно, для замедленія понятыхъ, не верхомъ, а пѣшкомъ, черезъ сторожа-инвалида изъ земскаго суда, хотя изъ города до этихъ селъ было болѣе сорока верстъ. Тарханларовъ должность исправника слалъ земскому засѣдателю, распекъ и его предварительно на обѣ корки и взялъ съ собой, а приставу стана, гдѣ былъ Конскій Сыртъ, послалъ съ коннымъ нарочнымъ отъ себя вторую повѣстку о немедленной явкѣ на сборный пунктъ въ Малый-Малаканецъ, къ квартирѣ Рубашкина.

Къ обѣду того же дня, шестерикомъ на обывательскихъ, Тарханларовъ прибылъ съ Рубашкинымъ и съ земскимъ засѣдателемъ въ Малаканецъ. Тамъ ихъ встрѣтилъ помощникъ Тарханларова, Ангелъ, а становаго и понятыхъ еще не было. Подо-

ждали они съ часть, другой. Ямщики алѣзали на крыши хатъ, выходили далеко въ поле на бугры, смотрѣли, но никого не было видно.

— Чтоже ихъ ждать, рѣшилъ совѣтникъ: — начнемъ, откроемъ дѣйствія, заявимъ этой барынѣ послѣднюю волю начальства! На томъ, чѣмъ она намъ отвѣтитъ, оснуемъ дальнѣйшія наши мѣры. Можетъ-быть къ крутымъ и не придется прибѣгать! А пока, разсмотримъ еще бумаги. Вы, г. застѣдатель, въ качествѣ исправника, потрудитесь въ болѣе близкія села отъ себя еще разъ дать строгія повѣстки о сборѣ понятыхъ; вотъ хоть въ Есауловку, въ Карабиновку, въ Авдуловку и сюда въ этотъ Малаканецъ...

— Люди теперь въ разбродѣ, рабочая пора; къ вечеру только съ полей придутъ домой.

— Ничего, пишете. Хоть мало сперва, а соберутся.

Пересмотрѣли еще бумаги, все прѣготовили, дали повѣстки съ ямщиками въ Есауловку и по Малаканцу. Тѣ съѣздили и воротились со словами, что понятые къ Конскому Сырту будутъ сейчасъ.

Часа за три за четыре до захода солнца, еще подождавши станового и трижды уже заказанныхъ понятыхъ, Тарханларовъ и прочіе поѣхали къ усадьбѣ Конскаго Сырта. Что-то въ душѣ говорило Рубашкину о не совѣмъ удачномъ исходѣ дѣла; но красавецъ и молодчина губернской совѣтникъ фхалъ бодро, весело мурлыкая про себя какую-то пѣсенку и съ любопытствомъ поглядывая по сторонамъ.

— Мѣстечко прелестное! сказалъ онъ, завилѣвши подъ склономъ есауловскихъ бугровъ надъ рѣкою Лихимъ зеленая низменности Конскаго Сырта: — у васъ съ руками оторвутъ на аренду эту землю даже мелкіе здѣшніе табунщики и сгонщики скота, если сами не пожелаете хлопотать...

— Я думаю самъ хозяйничать.

— И дѣло. Говорятъ, что у насъ воровская сторона; говорятъ, что низовыя страны, Волжская и Донская Украины, край плутовъ, перебѣжчиковъ, всякой голытьбы, инородцевъ и проходивцевъ. Оно точно: здѣсь дѣйствуетъ всякій народецъ, и армянинъ, и обрусѣлый татаринъ, и раскольникъ-ярославецъ, и мирной киргизъ, и хохолъ и всякій. А какая дѣятельность у насъ кипитъ. Вотъ смотрите, у васъ въ Конскомъ-Сыртѣ, по ва-

шимъ зеленымъ раздольемъ, какіе гурты скота и стада овецъ ходять... Тутъ съ одной стороны Донъ, а подъ-носомъ и Волга сюда колѣномъ повернулась, — да еще какимъ колѣномъ: версть на десять синимъ моремъ разлилась, давая воды и береговъ вдоволь и вамъ и намъ, потомкамъ украинцевъ и русскихъ, потому что я здѣсь принадлежу къ племени русскихъ переселенцевъ...

— Тарханларовъ? спросилъ генераль: — да это что-то какъ-буто татарское... тарханъ...

— Э! доискиваться, такъ вѣдь и тарелка и лошадь не русскія, татарскія слова; а сколько столѣтій уже, какъ они обрусѣли! И я русскій!

Вѣхали экипажи во дворъ Перебоченской. Во дворѣ было тихо: ни одна душа не показывалась. Кухня, амбары и всякія пристройки молчали. Окна и крыльца дома молчали также. Когда власти подѣхали, гремя колокольчиками, къ главному крыльцу, въ концѣ двора прошолъ отъ кухни къ сараю, опуствя голову и не поднимая глазъ, низенькій коренастый господинъ, или собственно прошли его длиннѣйшіе рыжіе усы: то былъ панъ Жукотыньскій, приказчикъ барыни. — «Эй, ты! послушай!» крикнулъ ему съ козелъ коляски титулярный совѣтникъ Ангелъ; но рыжіи шляхтичъ прошолъ важною журавлиною походкой, руки въ карманахъ балахона, опуствя рыжіе огненные усы чуть не до земли, и скрылся...

Тарханларовъ, земскій засѣдатель и Рубашкинъ вошли въ сѣни и въ переднюю; ни души. Лазарь Лазарычъ Ангелъ остался у крыльца, хмура черными кустоватыя брови, сердито сопя и крутя черные усы, еще длиннѣйшіе, чѣмъ были у шляхтича-прикащика. Онъ сторожко, какъ чуткая дрофа въ степи, посматривалъ изъ-за коляски и лошадей во всѣ углы двора, ожидая, гдѣ вынырнетъ шляхтичъ.

Едва Тарханларовъ взялся за ручку двери въ залъ, шепнувши сопутникамъ: «Мы пока сюда; а Лазарь Лазарычъ довольно надежная сила въ арьергардѣ; онъ бѣловый: его тронуть, такъ онъ и ножомъ въ бокъ пырнетъ!» какъ дверь передъ нимъ отворилась и на порогъ показалась хозяйка, Пелагея Андреевна Перебоченская. Рубашкинъ теперь былъ одѣтъ за-просто, въ лѣтней варусиновой накидкѣ и безъ портфеля подъ мышкой фрака, какъ вѣкогда, въ первый приѣздъ сюда. Старуха же встрѣтила

посѣтителей такая же сухоощавая, сутуловатая и будто придавленная и забитая, хотя была особой почтеннаго роста и попрежнему въ темномъ, притасканномъ платьишкѣ и въ чепцѣ, перевязанномъ подъ подбородкомъ и по ушамъ бѣлымъ платкомъ, вродѣ того, какіе носятъ нищенки-попрошайки. Она молча остановилась въ дверяхъ, держа грязный гарусный ридикуль и вопросительно поднявши къ посѣтителемъ сморщенное желтое личико и жалкіе, убогіе и будто плячущіе глаза.

— Повелѣніемъ высшаго начальства! звонко и отчетливо заговорилъ молодчина Тарханларовъ, выставя впередъ румяныя круглыя щоки и вынимая изъ кармана бумагу: — приказано васъ, сударыня...

— Не надо! вовсе этого не надо! отвѣтила старуха, тихо отодвигая бумагу.

— Какъ не надо! Воля высшаго начальства-съ... Что вы? шутить?... Извольте слушать! Только надѣюсь не здѣсь въ передней, а какъ слѣдуетъ... въ залѣ... у васъ...

И онъ шагнулъ къ порогу въ залъ. Перебоченская однако не двинулась съ мѣста.

— Я уже все это знаю... и вашу бумагу! сказала она, тихо потупя глаза: — это все пустяки; я отсюда не поѣду; я больна, стара и всякія тревоги... особенно выѣздъ... могутъ причинить мнѣ... даже смерть!

Тарханларовъ оглянулся на спутниковъ своихъ и насмѣшливо вмѣ подмигнулъ; Рубашкинъ степенно стоялъ сзади, выжидая, что будетъ; засѣдатель, не поднимая глазъ, былъ блѣденъ и стоялъ на-вытяжку.

— Вы можете мнѣ говорить все что вамъ угодно! громко сказалъ опять совѣтникъ: — но я имѣю предписаніе начальства, основанное, извините, на предыдущихъ вашихъ выходкахъ и продѣлкахъ, не принимая отъ васъ никакихъ болѣе отговорокъ, вывезти васъ изъ этого чужого имѣнія-съ... отобрать у васъ всю хозяйственную движимость... сдать ее владѣльцу имѣнія, до уплаты вами, по третейскому суду, денегъ за всѣ годы аренды, а послѣ расчета съ нимъ дозволить вамъ изъ движимости и строеній взять отсюда по особой новой расцѣнкѣ...

— И гурты и овецъ сдать ему? спросила Перебоченская, указавши пальцемъ на генерала.

— Сдать все пока... въ видѣ обезпеченія уплаты за десяти-лѣтнюю аренду...

— Никогда! я прежнему владѣльцу все уплатила... а хотъ бы деньгами и не уплатила, не дамъ! у насъ съ нимъ счета кончены...

— За что же онъ съ вами тягался все послѣднее время?

— Оставьте меня и не тревожьте!.. прошу васъ мнѣ не грубить! передъ вами дама-съ!

— Росписокъ у васъ нѣтъ! формальный договоръ нарушенъ! Все, что ходитъ по этой землѣ, вами получено съ земли же, а за нее вы ничего не платили... слѣдовательно...

— Разберутъ по суду... какой вы судъ! вы полицейскій чинъ...

— Судъ давно рѣшилъ дѣло противъ васъ и столько лѣтъ ждалъ отъ васъ, сударыня, доказательствъ; всѣ здѣшнія власти дѣлали вамъ поблажки. Теперь уже дѣлу конецъ. Вы оскорбляете администрацію, распорядительную власть, которая должна въ точности исполнять рѣшенія суда; и она командировала наконецъ меня... Извольте выѣзжать отсюда; извольте пустить меня въ залъ и выслушать постановленіе губернскаго правленія. Слышите-ли? Имѣю честь рекомендоваться...

-- Знаю, знаю...

— Я совѣтникъ губернскаго правленія...

— Да знаю же, говорю вамъ!

— Губернскаго правленія, Тарханларовъ... И потому снова говорю...

Тусклые глазки барыни холодно и злобно завіяли. Лицо и ридикюль задвигались.

— Палажка! крикнула она, не оборачиваясь съ порога.

Тарханларовъ, зная отъ Рубашкина продѣлки барыни и то, какъ она и генералу грозила Палажкой, невольно улыбнулся, приготовился взять Перебоченскую за руку и шагнулъ впередъ.

— Позвольте мнѣ, сударыня, пройти въ залъ и сообщить вамъ рѣшеніе суда и окончательное предписаніе губернатора...

Онъ бережно взялъ старуху за сухощавую, въ тревогѣ дрожавшую руку. Но въ то же время за спиной хозяйки обрисовались два помѣщика, отставной прапорщикъ изъ буковскихъ ордынцевъ Кебабчи и неслужившій нигдѣ черноморскій дворянинъ и сосѣдній гуртовщикъ, Хутчѣнко

— Удивляемся! сказали разомъ оба господина, умышленно и какъ-то особенно неблагоприятно баяя и шестойной подвигаясь впередъ изъ залы: — удивляемся вашей дерзости къ дворянкѣ... и не вѣримъ, чтобъ вы были съ такими азіатскими-съ, да-съ, именно-съ! азіатскими палномочіями...

Перебоchenская тотчасъ же, не оборачиваясь попрежнему, отрекомендовала обоимъ защитниковъ своихъ и Тарханларову и Рубашкину.

— А это вотъ учитель музыки въ здѣшнихъ мѣстахъ, г. Рахилевичъ! прибавила она, почувствовавши, что за спиной ея прибавилось еще одно лицо изъ внутреннихъ комнатъ, юноша лѣтъ девятнадцати, румяный, пухлый, съ бараньими, тусклыми и навывкатъ глазами: — онъ учить у моихъ родныхъ и близокъ въ домѣ г. предводителя!

— Однако же вы должны, сударыня, выслушать бумагу начальства и по порядку законовъ дать на нее отзывъ! отозвался, вскользь не теряясь, Тарханларовъ: — повторяю вамъ, я совѣтникъ губернскаго правленія и прошу со мною не шутить...

— Полноте сочинять! это, господа можетъ-быть и не совѣтникъ вовсе! громко объявилъ своимъ товарищамъ развязный учитель музыки Рахилевичъ, насмѣшливо пошатываясь за ихъ плечами, съ руками въ широкихъ зеленыхъ шароварахъ, и одѣтый въ какую-то фантастическую голубую куртку съ шнурками и бронзовыми стекольчатými пуговицами: — я совѣтниковъ всѣхъ въ губерніи знаю-съ; это должно быть такъ себѣ какой-нибудь канцеляристъ, для штуки нанятый Рубашкинымъ!

Рубашкинъ обомлѣлъ.

— Ну спросите у него видъ; есть ли у него, господа, видъ еще? Не самозванецъ ли это? прибавилъ Рахилевичъ, мигнувши прапорщику Кебабчи, на котораго, какъ видно, компанія возлагала также не мало надеждъ.

— Ни-да-съ! шаловливымъ басомъ и въ галстухъ сказали мѣдяноцвѣтный, какъ пятакъ, Кебабчи: — попросите, Пелагея Андреевна, этого господина однако въ кабинетъ: пусть онъ намъ покажетъ свой видъ, паспортъ. Можетъ-быть это еще и по правдѣ самозванецъ! Вы ужь, сударь, извините насъ: здѣсь страна всякихъ подмоговъ и самозванствъ; тутъ дѣйствовали Пугачевъ-съ, Разинъ, разбойники изъ киргизъ-кайсаковъ, Кудеяръ и Кувыканъ, Булавинъ и Заметаевъ...

— Такъ вы полагаете, что я тоже какой-нибудь Кувыканя или Кудеяръ, подложный, а не настоящій чиновникъ? спросилъ засмѣявшись Тарханларовъ, въ то время, какъ самъ онъ однако чувствовалъ, что еще мгновеніе и пожалуй въ этой глуши, не подоспѣй понятые, его самого обратятъ въ подсудимаго, силой свяжутъ и подъ конвоемъ повезутъ на общій позоръ и смѣхъ въ городъ, въ его же губернское правленіе, вмѣсто Перебоченской, которую онъ собирался взять силой.

— Нечего, нечего смѣяться! опять рѣзко перебилъ учитель музыки, Рахилевичъ: — давайте-ка лучше ваши бумаги! Не на дураковъ попали... насъ не проведете! стрѣлянныя...

— Пожалуйте въ кабинетъ! а въ залъ я васъ все-таки не допущу: у меня дѣла и сама я больная! сказала со вздохомъ хозяйка и тутъ же отъ порога ступила черезъ лакейскую въ сосѣдній, особый, темноватый кабинетикъ.

Тарханларовъ, Рубашкинъ и блѣдный засѣдатель, переглядываясь между собою, вошли туда за нею. Кебабчи, Хутченко и Рахилевичъ вступили туда же и кинулись запирать двери. Ихъ лица глядѣли мрачно, а рѣзкія, порывистыя движенія показывали, что они готовы были рѣшиться на все. Рубашкинъ глянулъ на помертвѣлаго засѣдателя, и у него самого точно холодная водица полилась по спинѣ и мурашки въ желудкѣ задвигались...

Всѣ сѣли. Тарханларовъ внятно и внушительно сталъ читать грозную бумагу о своей командировкѣ, снова попросилъ Перебоченскую не упорствовать, потомучто скоро вечеръ, а онъ къ ночи долженъ все покончить, не принимая отъ нея никакихъ отговорокъ, и протянулъ бумагу слушателямъ, чтобъ всѣ ее рассмотрѣли.

— Бланки и подписи дѣйствительно подлинные! сказалъ мѣднотцвѣтный Кебабчи: но этому все-таки не бывать никогда, никогда! пока въ нашихъ жилахъ течетъ дворянская кровь!

— Не бывать! подхватили и его товарищи.

— Да-съ... рѣшила и хозяйка, завывавши глазками и тебѣ въ рукахъ ридикюль.

— Пожалуйте отзывъ! сказалъ Тарханларовъ.

— Вотъ онъ! давно написанъ на ваши бумаги эти...

И она подала совѣтнику готовый отзывъ по всѣмъ пунктамъ грознаго рѣшенія.

— Новое преступленіе! объявилъ совѣтникъ, быстро пробѣжавши отзывъ: — я его кладу при васъ, господа, въ карманъ и мѣшываю въ журналъ слѣдствія; оказывается, что секретнѣйшія и важнѣйшія бумаги начальства передаются сюда изъ города въ копіяхъ и прежде, чѣмъ въ подлинникъ попадаютъ къ виновнымъ! Отлично! Ай да мѣстечко-съ!..

— Кладите! выстрѣлилъ въ него глазами Рахилевичъ: — мы и не прячемся отъ васъ; эка гроза какая! Бумагу эту сообщалъ намъ самъ уѣздный предводитель, а онъ — извините! человекъ со связями-съ, имѣетъ вездѣ противъ крючковъ лазутчиковъ; въ обиду своей дворянки не дастъ никому, а я у него учу въ семействѣ-съ...

— А, такъ вотъ какъ! Вы видѣли, слышали, г. засѣдатель? Отвѣтъ уже готовъ и подписанъ! Я его принимаю не какъ доводъ къ отказу, а какъ улику къ прежнимъ преступленіямъ здѣшнихъ властей...

Засѣдатель молча поклонился, продолжая мигать оторопѣлыми глазами.

— Такъ я повторяю, началъ опять Тарханларовъ, вставая и выпрямляясь во весь ростъ: — угодно ли вамъ, г-жа Перебоченская, безъ всякихъ дальнѣйшихъ проволочекъ, сегодня же, слышите? сегодня же къ ночи выѣхать отсюда и все сдать г. Рубашкину?

— Нѣтъ... никогда! я больна, стара, и притомъ же...

— Въ такомъ случаѣ я открываю присутствіе и черезъ полчаса арестую васъ силою и подъ стражей препровожу въ городъ! бракнулъ совѣтникъ.

Засѣдатель даже привскочилъ на мѣстѣ.

Перебоченская задергала опять пальцами, но ни слова не отвѣтила.

— Можете открывать присутствіе! забасили еще непріязненнѣе Кебабчи, Рахилевичъ и Хутченко: — а мы будемъ смотреть...

Наглость всего этого начинала взрывать Тарханларова. Онъ вышелъ въ лакейскую и на крыльцо. На нѣжныхъ полныхъ щекахъ его показались багровые кружки. Глаза его затуманились. Онъ отеръ платкомъ лобъ и сказалъ засѣдателю: «Гдѣ-бъ намъ открыть присутствіе и начать дѣйствовать?»

— Въ каретномъ сараѣ! отвѣтилъ стоявшій на крыльцѣ Ла-

зари Лазарычъ Ангелъ, отъ злости и отъ расходившейся въ немъ греческой жолчи уже ставшей желтѣе лимона: — тутъ небывалый воровской притонъ, всѣ штуки идутъ какъ по маслу; ждалъ я, ждалъ, пошолъ къ кухнѣ — заперта на ключъ; глянулъ я въ окно, пуста — однѣ мухи бьются въ стекла... Я въ людскую избу, въ конюшню, подъ сарай, вездѣ пусто. Устроимъ присутствіе въ каретникѣ; тамъ кстати стоитъ какая-то перевернутая кадка... На ней и писать можно...

— Доставайте, господа, изъ коляски припасы! сказалъ Рубашкинъ, обмахиваясь платкомъ.

— А намъ? спросили обывательскіе ящики.

— Распрягайте лошадей и ступайте по домамъ. Мы отсюда на другихъ лошадяхъ выѣдемъ!

Ящики отправились выпрягать коней.

— Гайда, господа, въ каретникъ.

Тарханларовъ попрежнему легко и свободно зашагалъ отъ крыльца по двору, однакоже прибавилъ:

— Жаль, господа, что мы не распорядились о болѣе значительномъ количествѣ понятыхъ; кажется здѣсь не совсѣмъ безопасно! Что это значитъ? и станowego досихъ-поръ ибтъ?

— Съ одной стороны тутъ сущая татарія, Курдистанъ; а съ другой и матушка Русь здѣсь же, какъ дома, расположилась! пустился разсуждать вслухъ Рубашкинъ: — мнѣ это приходило въ голову еще, какъ я первый разъ сюда приѣзжалъ! Ждешь тутъ, что убьютъ тебя, либо зашьютъ какъ разъ въ мѣшокъ, да и въ воду; а тутъ же скворецъ вонъ тихо прыгаетъ въ клѣткѣ, дѣвка бѣлобрысая чулокъ вяжетъ, барыня пасьянсь въ гостиной раскладываетъ, тупоумный тульскій маятникъ упорво постукиваетъ въ лакейской, точно въ безсонную ночь гдѣ-нибудь на станціи, когда ждешь лошадей...

Посмотрѣли господа въ поле изъ-за конюшни: не видно было еще ни станowego, ни понятыхъ. Въ сараѣ на полу было множество голубиныхъ слѣдовъ. Ласточки съ звонкимъ крикомъ влетали въ щели надъ воротами и опять вылетали отсюда. Прочный новый тарантасъ барыни стоялъ подъ полотняною покрывкой въ одномъ углу; въ другомъ возвышались развалины старинной кареты. Сметя соръ съ опрокинутой кадки, засѣдатель и Лазарь Лазарычъ приготовили канцелярскій бивакъ. Тарханларовъ рассказалъ засѣдателю, какъ ему писать, и тотъ съ дро-